

УДК 101.1: 316.3/4

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ**И.А. ЧУРСАНОВА***Воронежский
государственный
университет**e-mail:
imbi-churanova@yandex.ru*

В статье рассматривается категориально – понятийный аппарат исторической науки, взятый в его обусловленности теми философскими подходами, которые задавали исследовательскую парадигму социального познания на различных этапах его становления.

Ключевые слова: историческая наука, исторический источник, исторический факт, историческая закономерность, историческое время.

Историческая наука, как и любая другая, в основах своих должна иметь философски обоснованные гарантии своей понятийной и методологической состоятельности. В настоящее время история проходит этап реорганизации своей структурной и методологической определенности. Вызвано это было многими причинами, к которым можно отнести и специфическую роль субъективности в историческом познании, и «лингвистический поворот» в философии конца XX века, и проблематичность определения предметного и категориального полей исторической науки в строгом, теоретически обоснованном и завершенном виде. Именно последний из приведенных нами аспектов подробно анализируется в данной статье, где мы делаем попытку проследить становление основных категорий истории в русле различных философских контекстов. Стоит оговориться, что мы не претендуем на выдвижение собственной историографической линии – наша цель в том, чтобы показать, как плюрализм уже существующих подходов влияет на теоретический статус исторической науки в целом.

Для начала необходимо осветить предметное поле данной науки. Общепринятым на настоящий момент считается положение, что история – это «научное знание о прошлой социальной реальности»¹. Если рассмотреть более конкретно, то в качестве объекта познания исторической науки называется «вся совокупность событий, явлений и процессов, происходивших в обществе на протяжении всей истории человечества»². Уже здесь можно судить о сложном и проблематичном характере истории, так как остальные общественные и гуманитарные науки имеют в качестве своих предметов отдельные аспекты, срезы социальной реальности, а историк, изучая прошлое, которое имеет комплексный характер, синтезирует достижения всех специальных наук, воссоздавая объемную и, по возможности, полную картину минувшего. Следует отметить, что такое понимание предмета исторической науки сформировалось сравнительно недавно и носит обобщенный характер. Проблема в том, что сам предмет истории историчен. Долгое время в качестве такого было принято считать совокупность политических событий и процессов: возникновение, расцвет и гибель великих империй, войны и конфликты между народами, развитие дипломатических отношений и т.д. В XIX веке появился интерес к экономической истории, а позднее – к истории культуры. После Второй мировой войны во Франции осуществляется антропологический переворот в истории: школа «Анналов» ставит в центр исследований человека в его социальном и культурном измерении. Сейчас актуально положение, что внимание историка должно быть сосредоточено не только на выдающихся личностях, неповторимых событиях, но также на социальных структурах и тенденциях, имеющих определенный механизм взаимодействия. Многие исследователи приходят к выводу, что единого общепринятого определения предмета исторической науки в строгом смысле слова нет. И это одна из проблем самой исторической науки, поиск решения которой является дополнительным стимулом ее непрекращающегося развития. «Одни

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.; М., 2008. – С.97.

² Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 18.

историки стремятся свести все к описанию фактов, игнорируя теорию, другие, наоборот, игнорируют событийную историю, впадают в чрезмерную социологизацию или психологизацию истории, когда схема вытесняет материал. Очевидно, нет истории без описания, но нет истории без теории и методологии. У историков нет единой аксиоматической теории, есть плюрализм теорий и интерпретаций. В этом ее специфика»³.

Помимо предметного самоопределения для любой науки необходимо построить собственную категориальную сетку, упорядочивающую все многообразие исходного материала. В истории к таким специфическим понятиям можно отнести исторический источник, исторический факт, историческую закономерность и историческое время. В силу указанной особенности данной науки все перечисленные категории также не имеют раз и навсегда принятого значения, их смысловая нагруженность во многом определяется той или иной философской концепцией, выступающей в качестве парадигмы социального познания на определенном этапе его развития.

Исторический источник является логически первым понятием, к которому следует обратиться. «Источник – свидетельство прошлого, попадающее в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, документ, обряд, предмет), которое может быть использовано как основание для какого-либо утверждения о прошлом. <...> На основании информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого»⁴. Историк всегда имеет дело с так называемыми «остатками» или «следами» ушедшей реальности. В последнее время, однако, особо подчеркивается, что источником они становятся, лишь попадая в поле зрения историка, который ищет в них ответы на свои вопросы: «Мастерство историка заключается в методике задавания вопросов источнику и оценке ответов»⁵. Разумеется, данная точка зрения установилась не сразу.

В первой половине XIX века доминировала классическая позитивистская парадигма, в рамках которой объективность процесса и результата научного познания возводилась в абсолют. В свете такого подхода исторический источник выступал в качестве некоего хранилища со сведениями, и все, что требовалось от историка – это достать их. Позитивизм в данном подходе означал первичность источника по отношению к мышлению историка, который только извлекает из документов и анализирует объективные данные о реальных событиях прошлого. Здесь всегда приводят слова немецкого историка Л. фон Ранке о том, что задача историка лишь описать все, «как оно происходило на самом деле», т.е. без каких-либо субъективных оценок и предпочтений.

К концу XIX века ситуация меняется, появляется понимание сложных взаимосвязей источника с действительностью и историка с источником. Наличие последнего по большому счету является тем, что и делает историю наукой, так как это единственная действительность, с которой она оперирует и благодаря которой выстраивает свои концепции; источник в то же время единственный гарант истинности и способ проверки исторических суждений. Но характер и цели взаимодействия историка с источником, по классификации Блюхера, могут быть различными:

1. Он (историк) может «прочитать у философов» о логике исторического процесса и выбрать те источники, которые эту логику подтверждают.
2. Он может привлечь косвенные источники из других областей знания.
3. Он может смоделировать проблему и на ее основе начать работать с историко-ведческим материалом.

Таким образом, становится понятно, что нельзя исключить как из процесса познания, так и из его результатов особенностей мышления самого ученого, его творческой активности. Однако чрезмерное усиление этого аспекта проблемы приводит к другой крайности – сведению всего объема истории только к мышлению историка, его сознанию и отрицанию объективного содержания источников. Так Б.Кроче считал, что исторические источники ничего не значат вне сознания историка, вне духа: «Документ и критика, жизнь и мысль – вот истинные источники истории, иными словами, элементы историче-

³ Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С.21.

⁴ Репина Л.П. История исторического знания. – М., 2004. – С.32-33.

⁵ Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М., 2004. – С.9.

ского синтеза, и, в качестве таковых, они не предшествуют истории или синтезу как резервуар, к которому историк спешит со своим ведром, а заложены внутри истории, внутри синтеза, как ими созданные и их созидающие. История, чьи источники находятся вне ее, – чистейшая химера»⁶. Нет источников как внеположенной самой истории реальности, так как нет ничего, кроме духа, самореализующегося в истории – известная гегелевская формула: «Истинный смысл исторического познания нельзя постичь, если не отталкиваться от того принципа, что сам дух и есть история, что в каждый отдельно взятый момент он и творит историю и сотворяется ею»⁷. Здесь источник – это результат творческой активности историка. Такое видение, однако, лишает историю укорененности в самой действительности, ставя ее в зависимость от философии духа в гегелевском варианте.

В отечественной историографии в силу долгого периода доминирования марксистской философии сложилось понимание исторического источника как субъективного отражения объективной реальности. Источник – социальное явление, отражающее те общественные отношения, которые функционировали во время его создания. Следовательно, историк не создает источник, как это постулируется у того же Кроче, а извлекает из него информацию. И.Д. Ковальченко предложил информационную концепцию исторического источника. Информация – это отраженное разнообразие явлений, происходящих в действительности. Источник – носитель сведений, которые необходимы историку. Информация может рассматриваться в прагматическом, аксиологическом, семантическом и синтаксическом планах. В семантическом плане информация может быть выраженной и скрытой, т. е. той, что извлекалась осознанно и той, что извлечена и зафиксирована произвольно и поэтому неочевидна, по-другому ее называют структурной. Так, в историческом источнике выраженной информацией будет то, о чем непосредственно рассказывается, а скрытой – то, как это рассказывается. «В итоге источник несет в себе двойную информацию. Источник, с одной стороны, опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует субъект, прежде всего, отражает его цели и методы восприятия объективной реальности»⁸. Прагматический аспект заключается в том, что в момент создания источника его автор всегда преследует собственные цели, фиксируя определенные сведения о реальности, он решает какие-то задачи, тем самым и он сам, и источник, им создаваемый, не только несут в себе определенную информацию о реальности, но и сами являются частью этой реальности. А значит нельзя делить источники на пригодные и непригодные для изучения, все зависит от позиции и применяемых методов. Аксиологический и синтаксический аспекты соответственно проявляются в тех ценностных установках, которые отражает источник и в системе знаков, в которых социальная информация фиксируется. Ковальченко отмечает информационную неисчерпаемость исторических источников, так как анализ выраженного содержания приводит к выявлению скрытого. Главный же вывод делается в том ключе, что, несмотря на то, что исторический источник это всегда субъективное и селективное отражение, он, однако, несет в себе знание о прошедшей действительности и в самом себе содержит информацию, необходимую исследователю для его критической оценки. Ковальченко был сторонником системного подхода в источниковедении, с помощью которого возможно выявление скрытой информации и установление достоверности выраженной.

Особо стоит отметить взгляд на исторический источник, высказанный основоположником «Школы Анналов» Л.Февром: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем, при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы

⁶ Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998. – С.16.

⁷ Там же. – С.17.

⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987 – С. 116.

и способы человеческого бытия»⁹. Таким образом, в качестве источника можно рассматривать любое историческое свидетельство, в котором отражены культурные смыслы своего времени и ему совсем не обязательно быть письменным. Толкованию подлежат все аспекты человеческой реальности, тем или иным способом дошедшие до нас, но при этом необходимо раскрыть их значение в двух смысловых контекстах – в их собственном и в том, в котором их открыли в качестве источников, вот почему перед историком всегда стоит проблема понимания системы ценностей прошлого.

Источник находится в сложной взаимосвязи со следующим понятием исторической науки – фактом. Определенная концепция исторического факта, а именно то, как он устанавливается, анализируется и интерпретируется, – это неотъемлемый атрибут работы любого профессионального историка. Но, как и в вопросе об источнике, единого, общепризнанного определения данному понятию пока нет.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев отмечают, что «фактами» в науке обычно именуется высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, получившие статус «истины». « В процессе индивидуального научного творчества, формулируя некое высказывание о существовании чего-либо (явления, связи, действия и т.д.), автор высказывания придает ему значение «истины» и называет «фактом». Однако фактом как элементом знания это высказывание становится только в случае его социального признания в качестве «истины». Тем самым, содержание данного высказывания превращается в элемент реальности для соответствующей социальной группы»¹⁰. В силу известной специфики исторической науки, а именно темпоральной природы ее фактов, проблема, связанная с установлением их гносеологического статуса и определенной интерпретации до сих пор одна из ключевых в структуре гуманитарного знания.

Начиная рассмотрение данного вопроса, следует упомянуть еще одно понятие, находящееся в тесной взаимосвязи с категорией факта – событие. Под событием понимается нечто произошедшее, свершившееся, имевшее место в прошлом. Тогда как фактом называется утверждение об этом событии, как мы уже отмечали, признанное за истину. Л.П. Репина приводит две условных позиции по интерпретации события: реалистическая и конструктивистская. Согласно первой любое событие прошлого имеет свою структуру и зафиксировано в источниках, из которых исследователь должен извлекать их с наименьшими искажениями. В соответствии же со второй событие не может существовать независимо от исследователя, так как он на базе источников всегда создает определенную интеллектуальную конструкцию и делает умозаключение о прошедшем. Тем самым, здесь событие – в большей мере – продукт творческого усилия историка. Можно продемонстрировать воплощение двух этих позиций на примере конкретных концепций исторического знания.

Очевидно, что первый вариант – это классический позитивистский подход. XIX век представлял собой «культ» факта как в естественных, так и в социальных науках. «Первой и основной задачей историка является установление фактов, некогда имевших место. <...> факты, а не теории должны служить фундаментом исторической науке»¹¹. Условием, от которого зависит существование исторических событий, является оставленный ими след, в виде, например, произведения искусства, документа или иного письменного свидетельства. Соответственно, условием существования истории как науки является «наличность исторического материала», что указывает на большую долю случайности в этом процессе, так как все зависит от того, обратило ли на себя внимание какое-либо событие, и если обратило, то дошло ли оно до нас отображенным в источнике. Но из всего множества этого материала не все будет интересовать историка, а только то, что оказало или оказывает влияние на дальнейший ход истории: « <...> причины, наблюдаемых нами условий, мы и называем историческими событиями»¹². При всем этом, даже признавая неустранимость субъективного момента – интереса самого историка к определенному явлению современности, причины которого, будучи моментами прошлого, стано-

⁹ Февр Л. Бой за историю. – М., 1991. – С. 22.

¹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.; М., 2008. – 253.

¹¹ Мейер Эдуард Труды по теории и методологии исторической науки. – М., 2003. – С.180.

¹² Там же. – С.181

ваться объектами его изучения – позитивисты ратовали за то, что и процесс познания, и результат носят объективный характер. Факты являлись единственным основанием построения исторического исследования и одновременно его целью, любое обобщение считалось проблематичным в силу своего абстрактного характера.

С возникновением неклассической парадигмы научного знания осознается узость и наивность позитивистских установок XIX века, меняется и дополняется содержание многих категорий, в том числе и категорий исторических. По мнению Савельевой И.М., современную трактовку факта дал Л.Февр в своей лекции 1933 года «Суд совести истории и историка»: «Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос»¹³. Он одним из первых обратил внимание на гипертрофированное значение этого понятия в предшествующей традиции: «Все факты да факты... Но что вы называет фактами? Что за содержание вкладываете в это коротенькое слово? Неужели вы думаете, что факты даются истории как некие субстанциональные сущности, более или менее глубоко погребенные в толще времен, и вся трудность состоит лишь в том, чтоб раскопать их, почистить и подать современникам при выгодном освещении?». Историк сам конституирует материалы для своей работы, воссоздает их. Прежде чем приступить к исследованию, он всегда формирует проблему, требующую разрешения, рабочую гипотезу, которую нужно проверить. Никакая научная работа невозможна без предварительной, заранее разработанной теории. Это тот вывод, к которому сначала пришлось естественное – существует теоретическая нагруженность фактов. Вне определенных теоретических рамок в принципе невозможно никакое исследование: те «факты», которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а, следовательно, существенно концептуализированы. Л. Февр один из первых, кто увидел эту же проблему применительно к историческому познанию.

Разумеется, как это обычно происходит, если появляется определенная тенденция, то всегда найдутся представители, стремящиеся ее до логического предела. Так открытая теоретическая обусловленность исторического факта к середине XX века приняла формы крайнего релятивизма. Стали высказываться взгляды, сводящие факт до произвольной умственной конструкции, существующей лишь в сознании историка. Р. Арон отвергает наличие объективной исторической реальности: «факты не существуют сами по себе, только через сознание и для сознания»¹⁴. Таким образом, в данном подходе факт произвольно конституируется, а историческое познание носит относительный характер.

С одной стороны, с подобной точкой зрения не согласился такой представитель американской историографии середины XX века, как Э.Карр, отметивший, что «факт – это твердое тело в мякоти интерпретации»¹⁵. Факт просто не может быть дан в чистом виде, он всегда преломляется через сознание историка, всегда выражает его позицию и интерпретацию, но не творится им из ничего. Таким образом, как писал Карр, историк пробирается между Сциллой теории истории как объективной компиляции фактов и примата факта над интерпретацией и Харибдой понимания истории как субъективного продукта мышления историка, который устанавливает факты и управляет ими в ходе интерпретации. С другой стороны, с релятивизацией исторического знания, разумеется, не могли согласиться представители отечественной историографии, стоящие на позициях диалектического материализма, в частности М.А.Барг, разработавший собственную концепцию исторического факта.

Начинать нужно, как считает М.А.Барг, с четкого уяснения терминологии, так как большинство проблем напрямую связано с недифференцированностью различных значений, приписываемых одному и тому же понятию: «К категории исторический факт прибегают для обозначения явлений, событий и т.п. объективно-исторического процесса (т.е. факта объективной действительности) и сообщения источника (т.е. факта, так или иначе отраженного), и, наконец, сообщения (свидетельства), выдержавшего испытание на аутентичность, воспринятого историком и ставшего фактом исторической науки». Диалектико-материалистический подход позволяет говорить о том, что в историческом

¹³ Февр Л. Бой за историю. – М., 1991, – С.15.

¹⁴ Цит. по: Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 44.

¹⁵ Carr E.H. What is History? – London, 1961. – P. 54.

исследовании необходимо отличать факты исторической действительности, факты исторических источников и научно-исторические факты.

Факты исторической действительности объективны, они есть многообразие уже свершившейся человеческой деятельности и поэтому они «являются инвариантными, однозначными и неизменными по своей пространственно-временной и сущностной завершенности при всей их содержательно-онтологической неисчерпаемости»¹⁶. Любой исторический факт всегда находится внутри определенного контекста, сложного переплетения связей между его элементами. Эти контексты могут быть многозначны, и поэтому историки иногда трактуют один и тот же факт с некоторыми расхождениями, но его реальное содержание при этом остается объективным.

Факт исторического источника – отражение факта действительности тем или иным автором, его субъективное воспроизведение событий. Применительно к данному виду фактов встают проблемы источниковедения: установление информационного потенциала, объективности содержания, той или иной интерпретации фактов. Еще Р. Коллингвуд писал, что «Научный историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатации исторических фактов, а как основание для своих суждений»¹⁷.

Научно-исторический факт – вторичное отражение историком фактов исторической действительности на основе данных источника, т.е. дважды субъективизированное отражение прошлого. Таким образом, это «концептуализованный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»¹⁸. Научно-исторический факт всегда находится в некоторой системе знаний о том или ином отрезке прошлого, в некоторой содержательной целостности, где одно обусловлено другим. По мере развития этого знания, появления новых источников, новых подходов научно-исторический факт все более полно отражает факт действительности, появляется более широкая его интерпретация, которая и наделяет сообщение источника научным статусом. Самое большое, к чему может стремиться исследователь, стоящий на материалистических позициях, заключается в максимальном приближении построенной им концептуальной картины к действительности, при том, что они никогда не совпадут.

Основную проблему при анализе данного подхода, конечно, составляет понятие факта исторической действительности, т.е. постулирование объективной реальности, внеположенной сознанию исследователя или, скорее, идея диалектико-материалистической философии, заключающаяся в постулировании возможности сопоставления нашего субъективного видения с объективным положением вещей. Но что такое объективная реальность? И как мы получаем к ней доступ? Это проблема вне рамок нашего исследования. Но, что немаловажно, применимо к истории существование независимой от нашего сознания действительности выступает в качестве гаранта развития познания. Сама по себе реальность многообразна и сложна, ни одна концептуальная схема не сможет охватить ее целиком, но признание ее наличия и объективности – основа и априорная предпосылка исторического знания. Каких бы дискуссий по этому поводу не велось в философии, профессиональный историк имплицитно включает это положение во все свои построения. Отказ от него слишком опасен для гносеологического статуса исторической науки.

Возможность сосуществования нескольких интерпретаций одного и того же события дает почву для релятивизации исторического знания, отрицания его объективности. Но, во-первых, мы имеем всегда ограниченное количество интерпретаций одних и тех же событий и процессов – историк всегда может объяснить, почему ранее давались те или иные интерпретации и почему он предлагает свою. Во-вторых, сами факты ограничивают возможности интерпретаторов, в силу как раз наличия в них определенной твердости, определенного содержательного инварианта.

В одной из последних отечественных работ по философии и методологии исторической науки, принадлежащей Ф.Н. Блюхеру, представлена еще одна трактовка установления исторического факта, основанная на аналогии между теми операциями, которые свойственны естествознанию, и методами исторической реконструкции.

¹⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987 – С.130.

¹⁷ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. – С. 261.

¹⁸ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М., 1984. – С. 162.

Автор предполагает, что в истории, по примеру любой естественной науки, может быть создана и создается так называемая приборная ситуация, необходимая для эксперимента и установления факта. Элементами этой приборной ситуации выступают объекты с выделенными функциональными свойствами, которые могут быть как искусственно созданными, так и природными. А в истории в качестве таковых он называет источники, как «деятельность по оставлению следов своей деятельности» человеком, ибо человек и все, что с ним связано, составляет в самом широком смысле предмет исторической науки. Трудность составляет то, что предмет этот находится в прошлом. Если в естествознании через процесс рациональной обработки данных наблюдения, нахождения в них инвариантного значения, его истолкования и проверки в дальнейших верифицирующих экспериментах происходит установление факта, то в истории такая процедура невозможна: «История лишена роскоши фиксации события в независимой от этого события абсолютной пространственно-временной системе, но означает ли это, что историк может забыть о теоретической реконструкции для объяснения исторических событий? Означает ли это, что само понятие научного факта неприменимо к исторической науке?»¹⁹. Для разрешения этого вопроса автор делает предположение, что при одних и тех же условиях деятельности человеком создается одна и та же внутренняя структурированность источников, в их широком понимании, как всего, что несет в себе определенную информацию о прошлом. Следовательно, для создания приборной ситуации в истории необходимо провести предварительную работу с источниками, подвергнуть их внешней и внутренней критике, что происходит в три этапа. На первом находят трафаретности, повторения событий в прошлом: «Повторяемость керамики говорит нам о единой первобытной культуре, повторяемость языковых структур – о связях и заимствовании видов деятельности у разных народов, повторяемость военных побед – о таланте полководца»²⁰. И это не противоречит известному тезису неокантианства о единичности и уникальности исторических событий, ибо уникальность проявляется только на фоне типичности и повторяемости, это две взаимосвязанные категории. Мы определяем нечто как уникальное, лишь уже имея установленную типичность, трафаретность, которая когда-то в свое время тоже возникла как уникальность. Нахождение такого возникновения относится к историческому исследованию, так как возникновение нового и его переход в типичное задает внутреннюю размерность истории, фиксируется в источнике как относительно единый исторический отрезок и составляет второй этап в создании приборной ситуации. На третьем же этапе выявляются внутренние связи источников между собой, что дает основания объединить их в единый источниковедческий комплекс, на основании которого мы можем делать заключения о существовании того или иного исторического института (например, полисной системы Древней Греции). Тем самым, созданная историком приборная ситуация в силу многочисленных корреляций представленных в ней документов и источников дает основу для объективного исторического исследования: находясь в структуре такого комплекса, историческое событие превращается в исторический факт. При этом разница между первым и вторым заключается в том, что событие требует интерпретации, объяснения или причины, а факт сам выступает как интерпретация, объяснение или причина. Данная модель построения исследования свойственна в первую очередь тем историческим школам, которые выступают за бессобытийную историю, где основной интерес направлен не на событие как таковое, а на его включенность в определенный контекст, на его согласованность с уже установленными фактами, на институты и их функционирование.

Как видно из приведенного выше анализа, проблема исторического факта относится к одной из основных тем дискуссий по поводу статуса исторической науки. Данная категория одна из наиболее важных, но, в то же время, одна из самых спорных в настоящий момент, что, конечно, можно рассматривать как слабую сторону исторического знания, но, с другой стороны, плюрализм различных точек зрения дает почву для дальнейшей конструктивной разработки этого вопроса.

Установление фактов и придание им статуса научно обоснованного знания необходимо в качестве базиса для реконструкции целостной картины прошлого. И здесь воз-

¹⁹ Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М., 2004. – С. 29.

²⁰ Там же. – С. 30.

никает еще одна проблема исторического познания, скрывающаяся за понятием закономерности. Обладают ли факты самодовлеющим значением или они служат для подтверждения некоторых тенденций и законов, направляющих исторический процесс? Открывает ли история законы социального развития? Вся сложность ответа на этот вопрос тесно взаимосвязана со спецификой исторической науки. В зависимости от того, на каких позициях стоит историк, он может трактовать свою науку либо как знание о случайных, единичных и неповторимых событиях прошлого, либо как знание законосообразного социального движения. Несомненно, что это один из тех вопросов, задача разрешения которого принадлежит сфере философии. Неокантианство, например, не принимало тезиса о возможности открытия в истории каких-либо общих закономерностей, считая это приоритетом естествознания. История же работает в сфере культуры, в аксиологическом пространстве, где особенности предмета обуславливают метод – рассмотрения единичных и уникальных событий через отнесение к ценностям. Совсем иначе трактуют эту проблему те, кто в качестве основной задачи исторической науки видят установление определенных закономерностей. Такое понимание восходит к просветительской традиции и концепции Гегеля и Маркса наиболее яркие ее примеры. Мы имеем возможность рассмотреть конкретное воплощение философских подходов во взглядах самих историков и, соответственно, их трактовку категории закономерности и ее применимости в историческом познании.

В начале XX века немецкий историк Э.Мейер, видимо, в ответ на набирающий силы формационный подход к истории, писал: «Ясно, что неоднократно предъявляемое к историкам требование – рассматривать историю как закономерный процесс, представляющий собою непрерывную цепь причин и следствий, направлено против свободной воли и случайности в истории»²¹. Однако для любого историка очевидна неустранимость этих особенностей человеческой жизни как в ее настоящем, так и в ее прошедшем модусе – истории. Но существует такая особенность нашего сознания, которая всякое явление стремится рассмотреть как следствие некоторой причины и это закон рационального мышления: «Если вдуматься в этот вопрос, то оказывается – и в этом весь корень обычного недоразумения, – что противоречие между свободой и причинной зависимостью заключается не в самих явлениях, а лишь в разных точках зрения, с каких мы смотрим и, по свойствам нашего ума, не можем не смотреть на вещи, как бы мы не противились этому»²². Но этот закон мышления действует только в отношении того, что уже произошло, свершилось, и совсем не так однозначен в отношении того, что еще совершается. Другими словами, относительно событий, локализованных временными рамками прошлого, мы в состоянии установить причинно-следственные связи, но в отношении незавершенных процессов это невозможно в строго научном смысле – это будет предсказанием, более или менее вероятным. Жизнь представляет собою сплетение бесчисленного множества причинных рядов и все события ее можно рассматривать и как случайные и как необходимые. Дана только возможность и она переходит в действительность, когда независимые друг от друга причинные ряды пересекаются в данной точке пространства в данный момент. Мы сами соединяем совокупность этих рядов в одно целое и объявляем о существовании в мире необходимости, при этом случайность все равно никуда не исчезает, она просто подчиняется нашей схеме, и то, что при анализе единичных явлений выглядит случайностью, при анализе целого выльется в необходимость. Но в действительности же ничего не предзадано: «...единство и необходимость являются лишь постулатами нашего сознания, тогда как в мире, вопреки им, всегда буде царить случай. <...> устранение случайности может быть куплено только ценою объяснения случайных явлений сверхопытной, трансцендентной причиной»²³. Мейер пишет, что те, кто стремятся принизить значение случая в истории, сводят ее к нулю, заменяя отвлеченными формулами, лишенными конкретного содержания, а она «никогда не имеет дела, подобно естественным наукам, с водой и воздухом вообще и не исследует управляющие ими законы, но, если можно так выразиться, изучает этот конкретный, единичный стакан воды...»²⁴. Он при-

²¹ Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки.. – М., 2003. – С. 156.

²² Там же. – С. 157.

²³ Там же. – С. 162.

²⁴ Там же. – С.166.

зывает к тому, чтоб вместо навязывании истории чуждой ей системы понятий и задач, взглянуть на нее как она есть и на основании этого постараться выяснить ее истинную сущность. Об историческом будущем можно только гадать и строить предположения разной степени вероятности, но точного предсказания на основе какого-либо закона сделать невозможно. «Что исторических законов нет, – это не зависит ни от слабости мышления историков, ни от недостатка исторического материала, но коренится исключительно в самой сущности истории»²⁵.

Противоположенная точка зрения наиболее ярко представлена в работах историков-марксистов. В уже упоминавшейся работе М.А.Барга «Категории и методы исторической науки» находим: «... материалистический историзм исходит из признания объективной законосообразности исторического процесса, более того рассматривает законы развития общества как естественноисторические...»²⁶. Однако необходимо отличать социологические и собственно исторические закономерности. Первые отображают сущность происходящих процессов формально, отвлекаясь от многообразия конкретного содержания. Социологическая теория призвана направлять историческое исследование. Структура же общества со всеми его функциями и стадиями развития является как раз предметом сугубо исторического исследования. Именно оно устанавливает связь между общесоциологическим законом данного явления и его историческим воплощением: «...вскрытие внутренних качественных связей между составляющими системы и есть путь, ведущий к формированию исторических закономерностей»²⁷. Отмечается, что несмотря на то, что исторической закономерности свойственен свой уровень абстракции, он настолько ниже уровня абстракции социологической, что позволяет уловить исторически дифференцированную картину одной и той же социологической сущности явлений, благодаря чему они выступают в качестве исторических, т.е. не теряют своего конкретного содержания. Но по той же причине объяснительный потенциал исторической закономерности гораздо ниже, чем социологической, ибо она работает на уровне пространственно-временных особенностей того или иного явления, т.е. в границах неизмеримо более узких по сравнению с закономерностью социологической. Последняя отражает наиболее фундаментальные прямые связи и конечные зависимости, лежащие в основе функционирования и развития общества. Историческая же закономерность представляет собой «принцип движения конкретно-исторических форм социальности, рассматриваемых не обособлено одна от другой, а во взаимосвязи и взаимодействии»²⁸. Таким образом, исторический закон в данном подходе это узел различного рода «частно-исторических» закономерностей, точка их пересечения, равнодействующая, где выявляются отклонения от проявления социологических законов, несистемные явления в жизни общества. «Историческая наука не позволяет социологии «выпрямить» процесс истории»²⁹.

Подытоживая, можно сказать, что как правильно отметил И.Д. Парфенов, для большинства западных философов такой проблемы как определение категории исторической закономерности вообще не существовало, так как они в принципе отрицали ее возможность. Но с другой стороны, проблема эта встает как перед историками, так и перед философами, так как сама природа человеческого мышления такова, что тяготеет к исчерпывающему объяснению. Как установил Э. Мейер, причинно-следственные связи устанавливаются в том случае, если череда событий имеет относительно завершённый, законченный вид. Тут раскрывается одна из фундаментальных философских проблем истории. Если мы готовы взять историю как процесс, имеющий начало и конец, то в теоретическом плане выявление определенных закономерностей будет логически непротиворечиво. Но если, подобно Мейеру, исходить из позиции практикующего историка, то необходимо отказаться от идеи конца истории и вместе с этим, что куда проблематичнее, от наличия в ней финального смысла, а это значит, что никаких универсальных законов, имманентно ей присущих и направляющих ее, быть не может. История – это максимально широкий контекст, и мы находимся внутри него. Для нас она не завершена и, по сути,

²⁵ Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки.. – М., 2003. – С.173.

²⁶ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. – С.174.

²⁷ Там же. – С.185.

²⁸ Там же. – С. 190.

²⁹ Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 51.

бесконечна. Приписывать ей какую-либо внеположенную цель может только та или иная философская концепция, но не историк-профессионал. Однако именно проблема смысла, так волнующая человека, на наш взгляд, не дает утихнуть спорам о наличии или отсутствии законов в истории.

И последняя категория, к которой мы обратимся, – это историческое время. В связи с тем, что категория времени достаточно проблематична сама по себе, то и вопрос о его специфике в качестве исторического понятия до сих пор открыт. Фундаментальное исследование по этой проблеме было проведено И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым в их монографии «История и время»: «У истории много общего с другими дисциплинами. Она делит с ними предмет и заимствует их методы. И в то же время отдельность ее бесспорна. Она связана с отсутствием изучаемого объекта в настоящем. Именно поэтому мы считаем, что категория времени для определения специфики истории является столь же значимым критерием, как предмет и метод»³⁰.

Авторы выдвигают положение, в соответствии с которым на протяжении всей истории формирования представлений о времени существовало два его образа, условно обозначенных ими как «Время 1» и «Время 2». В самом простом варианте, свойственном архаическому сознанию, «Время 1» представляется как некая среда, в которой происходит движение, а «Время 2» – как нечто меняющееся, движущееся. В античной философии такое разделение вводит Платон, используя два термина – «эон» и «хронос», что в переводе означает «вечность» и «время». В средневековой религиозной философии проблема времени была спроецирована на отношение Бога к сотворенному им миру, что ярко представлено в концепции Августина Аврелия. Новое время, десакрализовавшее многие категории, имевшие теологическую трактовку, заменило идею божественной вечности идеей абсолютной длительности. На смену предыдущим представлениям приходит оппозиция объективного времени (абсолютное время) и его субъективного восприятия (относительное время). Конец XIX- начало XX века стало окончательным этапом в формировании темпоральных представлений. С именем А.Бергсона связан поворот в понимании этой категории, заключающийся в переходе от представлений о наличии двух существенно различных времен к признанию формирования двух мыслительных его образов. Идея о том, что наши типы времени есть формы нашего же сознания, была в дальнейшем развита Э.Гуссерлем. В сфере социологии П.Сорокин и Р.Мертон провели различие между «астрономическим» и «социальным» временем. Даже в художественной литературе можно проследить двойственное видение проблемы времени, начиная от Данте и заканчивая Марселем Прустом и В.Набоковым.

Итак, два образа времени как устойчивые формы его восприятия сохраняются и до сих пор. Что они из себя представляют? «В рамках первого образа время, как правило, пространственно ориентировано. Разные даты описываются как отрезки или точки временной оси»³¹. «Время 1» представляет собою ряд состояний, статических моментов, где каждый период изолирован от остальных. «Время 2» – образ необратимого времени, движущегося, текущего и непредсказуемого.

В исторической науке два эти образа также проявляют себя: « «Время 1» выражается в попытках заполнить время событиями»³². Это то, что называется хронологией. Каждый момент прошлого имеет собственную координату, и историк может одновременно мыслить о нескольких событиях, при этом осознавая, что каждое из них локализовано в своем временном интервале. Однако «вместе с тем историческое время воспринимается как достаточно неоднородное: оно может быть более плотным, насыщенным или, наоборот, разреженным»³³. Существует обратная связь, не только события измеряются временем, но и время измеряется событиями. Один и тот же интервал может рассматриваться и как продолжительный, если он насыщен значимыми для историка фактами, и как непродолжительный, если не насыщен. Особенно четкое разграничение в понимании исторического времени как среды от времени как качества появляется со второй половины XVIII века: «Стало само собой разумеющимся, что история должна постоянно переписыв-

³⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С.72.

³¹ Там же. – С. 68.

³² Там же. – С. 69.

³³ Там же. – С. 70.

ваться. История была темпорализована в том смысле, что, благодаря течению времени, она изменялась в соответствии с данным настоящим, и по мере дистанцирования изменялась также природа прошлого»³⁴. Временная неоднородность заполнения прошлого и его субъективность – отличительные признаки исторического знания.

Понимание прошлого в качестве концептуализированного предмета исторической науки оформляется только в XIX веке. Связано это с трудностями в разграничении понятий прошлого и настоящего и содержанием этих понятий. Размежевание прошлого и настоящего связано с формированием понимания прошлого как «Другого» к настоящему, т.е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество не было Другим по отношению к настоящему, и поэтому к нему применимы схемы, модели теории и концепции, созданные для анализа современности». А для прошлого как предмета исторической науки, т.е. прошлого-Другого, необходимо искать подходящие ему способы познания: «...теории общественной жизни применимы только к определенному историческому периоду и адекватны только ему. Каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, а следовательно, и свою историю, и свою теорию»³⁵. Именно поэтому история как наука не мыслит в определенном едином ключе, не принимает унифицирующих схем и формул. Плюралистичность исторического знания обусловлена спецификой его предмета – прошлой социальной реальности.

Подводя итоги проведенного нами анализа основных исторических категорий, можно сделать вывод о крайне сложном и незавершенном характере процесса их формирования и установления в качестве общепризнанных форм научного понятийного аппарата. Дискуссионность содержания данных категорий и их применимости в историческом исследовании в том или ином качестве создает определенную напряженность как внутри самой исторической науки, так и в отношении ее к сфере научного познания в целом. На наш взгляд, те проблемы, которые были поставлены в XX веке перед историей и которые само ее существование в качестве науки сделали проблемой, в какой-то степени были обусловлены и плюралистичностью философских подходов, определявших характер ее категориального аппарата.

Список литературы

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008.
2. Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001.
3. Репина Л.П. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004.
4. Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М.: РАН Институт философии, 2004.
5. Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1998.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: «Наука», 1987.
7. Февр Л. Бои за историю. – М.: «Наука», 1991.
8. Мейер Эдуард Труды по теории и методологии исторической науки. – М.: Гос. публ. Ист. Б-ка России, 2003.
9. Carr E.H. What is History? – London, 1961.
10. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: «Наука», 1980.
11. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: «Наука», 1984.

CATEGORICAL FIELD OF THE HISTORICAL SCIENCE: THE PHILOSOPHICAL CONTEXT

I.A. CHURANOVA

Voronezh State University

e-mail: imbi-churanova@yandex.ru

The article considers the conceptual device of a historical science taken in its conditionality by those philosophical approaches which set research paradigm social knowledge at various stages of its formation.

Key words: historical science, historical source, historic fact, historical regularity, historical time.

³⁴ Там же. – С. 72.

³⁵ Там же. – С. 93.